

ІСТОРІОГРАФІЯ, ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВО ТА МОВОЗНАВСТВО

УДК 930(497.2):929Дринов:327(4)«09»

DOI

ТРЕУГОЛЬНИК ВИЗАНТИЙСКО-БОЛГАРСКО-РУССКОГО КОНФЛИКТА В ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ X ВЕКА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАРИНА ДРИНОВА

Марина Домановська

кандидат исторических наук, Центр украинских студий имени Д. И. Багалая
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, майдан
Свободы, 6, Харьков, Украина marinadomanovska@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-4287-7620>

В статье исследуется восприятие и оценка М. Дриновым образов врагов Болгарии в византийско-болгарско-русском противостоянии. Особенное внимание уделяется степени влияния личных общественно-политических взглядов ученого на трактовку болгаро-византийской войны 966–972 гг. и борьбы князя Святослава за господство на Балканах. Предлагается вывод о более лояльном отношении М. Дринова к Византии как к врагу Болгарии, чем к Руси.

Известная в историографии «антивизантийская позиция» М. Дринова в контексте изображения русско-византийско-болгарского конфликта 966–971 гг. почти не находит подтверждения. Автор воздержался от негативных оценок греков, считая завоевание Болгарии руссами более страшным, чем власть Византии. Это подтверждает упоминание о зверствах войска Святослава в Болгарии, уничтожившего более 300 бояр и 20 тысяч мирного населения, которое не находит подтверждения в других источниках. Православным императорам ученый симпатизировал больше, чем язычнику-князю, поэтому действия византийцев в болгарских землях изобразил без негатива, хотя вряд ли они, подобно руссам, воздержались от разорений и убийств.

Превращение восточных областей Первого Болгарского царства в византийскую провинцию, по мнению ученого, приближало их к могущественной Византии. Господство хорошо знакомой империи с упорядоченной системой управления и общей православной религией М. Дринов рассматривал как лучший вариант для болгар. Оно должно было обеспечить развитие болгарского общества путем наследования лучших достижений византийской цивилизации. Возможность оказаться под властью жестокого русского князя-язычника Святослава откинула бы болгар назад в еще недавнее варварство, порвать с которым им удалось благодаря империи.

Ключевые слова: М. Дринов, I Болгарское царство, Киевская Русь, Святослав, Никифор Фока, Иоанн Цимисхий.

THE TRIANGLE OF THE BYZANTINE-BULGARIAN-RUSSIAN CONFLICT IN THE WESTERN BLACK SEA REGION OF THE 10TH CENTURY IN THE INTERPRETATION BY MARIN DRINOV

Marina Domanovska

PhD, Center of Ukrainian Studies by D. I. Bahalii, Department of Philosophy, V. N. Karazin
Kharkiv National University, Svobody Sq., 6, Kharkiv, Ukraine,
marinadomanovska@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4287-7620>

The article deals with M. Drinov's perception and evaluation of the enemies of Bulgaria in the Russo-Byzantine-Bulgarian confrontation of the tenth century. Particular attention is paid to the impact of Drinov's personal socio-political views on his interpretation of the Byzantine-Bulgarian war of 966–972 and Prince Sviatoslav's struggle for supremacy in the Balkans.

The «anti-Byzantine position» of Drinov, though a common knowledge in historiography, remains almost without confirmation in his depiction of the Russo-Byzantine-Bulgarian conflict of 966–971. M. Drinov refrains from negative characterizations of Greeks, considering the conquest of Bulgaria by the Rus' worse than Byzantine control. M. Drinov views Byzantines as a «lesser evil» for Bulgarians than the Rus'. This view is confirmed by the cited examples of the Rus' army's atrocities in Bulgaria, such as the execution of over three hundred boyars and twenty thousand civilian population. M. Drinov sympathizes with the Orthodox Emperors more than with the pagan Rus' Prince; at least the actions of the Byzantines in the Bulgarian lands are not depicted negatively, although it is unlikely that they refrained from pillage.

Turning the eastern areas of the Bulgarian state into a Byzantine province made them closer to the powerful Empire and was objectively a progressive development. The rule of the familiar Byzantine Empire, with its orderly system of government and shared Orthodox faith, appeared to M. Drinov a better outcome for Bulgarians. It was to assure a further development of Bulgarian society by following the lead of the brilliant Byzantine civilization. The possible submission to the rule of the cruel pagan Rus' Prince Sviatoslav, on the other hand, would have thrown Bulgarians back into the recent barbarity, which they had managed to escape thanks to the Empire.

Analyzing the context of Drinov's study thus shows that, according to the scholar, Bulgarians saw in Byzantium their near future and were determined to follow the Byzantine example in developing their statehood. Sviatoslav's Rus', on the other hand, presented to them an image of their recent barbaric past to which they by no means wanted to return. In his study «Southern Slavs and Byzantium in the Tenth Century» M. Drinov came very near to the key idea in the conception of the Byzantine Commonwealth, formulated almost a hundred years later by D. Obolensky. This conception underscored the attractiveness of the Byzantine model for the ruling elites of the peoples that entered the imperial orbit. The elites' wish to copy the Byzantine civilization paradoxically went hand in hand with hostility towards the Empire's Universalist pretensions and with a desire to distance them from the Empire and to affirm their own independence. At the same time, when it was necessary to choose between Byzantium and a more backward semi-barbaric nation, the choice was unequivocally in favor of the Empire.

Keywords: M. Drinov, the First Bulgarian State, Kyiv Rus', Svyatoslav.

Выпускник Московского университета, ученик Осипа Бодянского и Федора Буслаева, Марин Дринов (1838–1906) значительный период своей жизни посвятил Харьковскому университету. С 1873 г. он занимал должность доцента, с 1879 г. – профессора кафедры славистики. Широкий круг научных интересов связывает ученого так же с византинистикой. Тема контактов южных славян с империей в период раннего средневековья максимально раскрыта в его докторской диссертации «Южные славяне и Византия в X веке» (Drinov 1876), которая сохраняет свою значимость для современного славяноведения и византиноведения (Angelov 1960, 124; Zlatarski 1927, 516, 555; Irechek 1878, 239; Lapteva 2005, 821; Liman 2009a; Mitryaev 1978; Mitryaev 1979; Leszka et al. 2018, 512).

Работа «Южные славяне и Византия в X веке» (Drinov 1876) занимает центральное место в творческой биографии ученого. Кроме болгаро-византийских, византийско-сербских, византийско-хорватских контактов, которые стали главной темой диссертации, М. Дринов обратился к вопросу о крещении Болгарии в 863 г., что существенно укрепило ее связи с империей, посвятил отдельный раздел богомилству, как одному из факторов ослабления царской власти, а также назвал западно-болгарскую державу Самуила продолжением Первого Болгарского царства. Докторская диссертация М. Дринова не лишена эмоционального изложения материала и должным образом демонстрирует влияние личных общественно-политических взглядов ученого на восприятие и толкование событий средневековой южнославянской истории, в частности на болгаро-византийскую войну 966–972 гг. и на борьбу князя Святослава за господство на Балканах.

На восприятие М. Дриновым событий средневековой истории Болгарии имела значительное влияние его национальная идентичность. Именно чувством глубокого патриотизма и личным участием ученого в борьбе болгар за независимость можно объяснить его некоторую предвзятость в отношении конфликта на Балканах. Характерной чертой работы М. Дринова «Южные славяне и Византия в X веке» является трансляция близких автору переживаний за судьбу болгар, пребывавших под гнетом Османской Турции в первой половине 70-х гг. XIX в., то есть в период создания работы, на события X века. Авторскую идентичность ученого как болгарина-патриота наглядно демонстрирует четвертый

раздел докторской диссертации, посвященный борьбе Византийской империи и Первого Болгарского царства за господство на Дунае и походам Святослава на Балканы 967 и 969 гг. Акцентируя сложность этих сюжетов, известный российский историк С. Иванов отмечал, что во многих исследованиях «этот исторический период представляет совокупность аморфных раздробленных фактов» (Ivanov 1981, 88).

М. Дринов одним из первых в историографии, обращаясь к этому конфликту, безоговорочно признавал его непростой характер в силу противоречивых летописных свидетельств и частого изменения баланса сил противников. Автор отмечал ошибочное восприятие своими предшественниками событий в болгарских землях второй половины 60-х гг. X в. и ставил традиционную для позитивистской историографии задачу сформировать «правильное видение» русско-византийской войны и ее значения в болгарской истории (Drinov 1876, 91–92; Uspenskiy 1997, 555).

Образ Византии как врага Болгарии М. Дринов неоднократно изображал на страницах своей работы, обращаясь к событиям середины IX – первой трети X в. (Drinov 1876). Характеризуя контакты Византии и Болгарии в период действия мирного соглашения 927 г., автор отмечал существование потенциальной опасности для болгар со стороны империи, несмотря на многолетние дружественные связи между двумя государствами и высокий статус болгарских послов при византийском дворе. М. Дринов считал, что среди болгар доминировало негативное мнение о греках и распространялось недовольство политикой царя Петра (927–968). Особенно это касалось поколения, которое застало правление Симеона (893–927). Последний учил «не верить словам греков и смотреть на империю как на призрак» (Drinov 1876, 68–70; Liman 2009a, 387–388, Liman 2011).

Основными причинами нарушения болгаро-византийского мирного соглашения 927 г., которое действовало около сорока лет, М. Дринов называл нечестные действия византийцев. Среди них – поддержка сербов (Сербия отошла от Болгарии и стала вассалом Византии) и раскрытие болгарских государственных тайн путем введения в заблуждение царя Петра. Внутреннее ослабление из-за непопулярной в народе провизантийской политики Петра, богомильской ереси и усиления боярской оппозиции делали Болгарию чрезвычайно уязвимой перед воинственными соседями, а византийские императоры не теряли надежды на возвращение утраченной во время правления Симеона части Фракийской фемы (Drinov 1876, 69; Irechek 1878, 240; Shikanov 2006, 90).

В свою очередь, болгарского царя М. Дринов оценивал позитивно, упоминая его честное соблюдение установленных с византийцами договоренностей, которые заключались в предоставлении империи военной и дипломатической помощи в борьбе с князем Игорем и арабами. М. Дринов отмечал, что из-за чрезмерной доверчивости царь Петр обнаружил коварные планы Византии лишь незадолго до собственной смерти (Drinov 1876, 70). Односторонне оценивая «хорошего царя» и «недобрую Византию», М. Дринов не учитывал конкуренцию трех государств в Северном и Западном Причерноморье и осуждал вполне объективное стремление императора Никифора вернуть захваченную Симеоном Фракию.

Среди причин конфликта, который начался в 966 г., М. Дринов отмечал также отказ болгар нарушить мир с уграми и запретить им переходить через Дунай в византийские владения, обиду болгарских послов на приеме у императора Никифора Фоки (963–969) и отказ византийцев выплачивать болгарам традиционную дань (Drinov 1876, 92). Царица Мария-Ирина (927–963) возглавляла при болгарском дворе «мирную» партию, после ее смерти в 965 г. царь Петр попал под влияние воинственных бояр, которые требовали от него решительных действий в отношении Константинополя. Именно эта боярская группировка, настроенная против империи, заставила Петра направить в Константинополь посольство с требованиями возобновить выплату дани в пользу болгар (Obolenskiy 1998, 139; Ransimen 2009, 199; Chornij 2007, 59).

С. Рансимен предполагал, что дань должна была выплачиваться только при жизни царицы Марии-Ирины в качестве приданого. Требование выплат болгарями после ее смерти не соответствовало условиям соглашения и вполне справедливо вызывало недовольство императора (Ransimen 2009, 199). При этом Лев Диакон о подобном факте не упоминал (Лев Диакон 1988, 36), а С. Иванов считал оскорбительную речь Никифора Фоки в адрес послов вымыслом летописца, ссылаясь на существующую в империи традицию выплаты дани своим союзникам (Ivanov 1981, 182).

С приходом Святослава на Балканы у Первого Болгарского царства появился новый враг. М. Дринов, чрезмерно доверяя свидетельствам Льва Диакона, чья «История» была основным (а часто и единственным) источником для изучения этих событий, чаще склонял симпатии болгар в пользу византийцев. Тем не менее, в сложном противостоянии трех государств, которое началось в середине 60-х гг. X в., присутствовали кратковременные вынужденные союзы как с империей, так и с Русью (Karyshkovskiy 1951, 105; Litavrin 1967, 233–236; Mutafchiev 1931, 80; Obolenskiy 1998, 140–141; Sakharov 1982, 47).

В болгаро-византийский конфликт князь Руси Святослав вмешался по желанию Никифора Фоки. Силы империи были истощены постоянной борьбой с арабами, потому был необходим надежный союзник для ведения войны на Балканах. Выбор императора М. Дринов объяснял, разделяя точку зрения М. Погодина, преимуществом руссов над печенегами в военной силе и мастерстве (Pogodin 1846, 52), а также тем, что, вероятно, в силу территориальной удаленности Русь в то время не составляла угрозу для Византии. Также продолжали действовать условия договора 944 г., очевидно, подтвержденные княгиней Ольгой, о предоставлении руссами военной помощи империи (Drinov 1876, 92–93; Irechek 1878, 240). Однако, по мнению Г. Литаврина, адресованная Святославу просьба выступить против болгар выходила за рамки русско-византийского соглашения 944 г., что доказывает факт передачи византийскими послами Святославу значительной суммы золота (Litavrin 1967, 233; Sorlin 1961, 470). Привлечение Святослава к войне с болгарам М. Дринов объяснял также стремлением Никифора Фоки усилить свое войско, поставить Петра в затруднительное положение и исключить возможность мести болгар за нарушение империей мирного договора 927 г. Кроме того, Никифор надеялся с помощью руссов полностью подчинить себе царство Петра (Drinov 1867, 97).

Вскоре после вторжения Святослава в Болгарию император изменил свои планы. Вопреки договоренностям с Киевом, Никифор заключил союз с Петром. Святослав, в свою очередь, начал борьбу за господство на Балканах и даже планировал вторжение в имперские владения. Как удачно отметил Д. Оболенский, «дипломатия Никифора породила чудовище, которое ему не под силу было усмирить» (Obolenskiy 1998, 140; Stokes 1962a, 470). Изменение планов Никифора М. Дринов объяснял военными неудачами византийцев в Южной Италии и истощением государства в борьбе с арабами, что породило народное недовольство политикой властей. Это заставило императора искать сближения с Петром. Петр, в свою очередь, в силу своего бедственного положения, пошел на возобновление мира, удовлетворил просьбу Никифора, отправив в Константинополь двух невест для императорских сыновей, а также своих наследников Романа и Константина (Obolenskiy 1876, 98; Ivanov 1981, 89; Ransimen 2009, 202–203, 348; Sakharov 1982, 78; Stokes 1962, 467). Логичное объяснение этому союзу предложил В. Чорний, отметив, что союз был заключен для того, чтобы избежать возможности захвата имперских владений Святославом (Chornij 2007, 61). Таким образом, Византия и Болгария объединились с целью изгнания Святослава с Балкан. М. Дринов положительно оценивал действия правительства Петра, считая союз болгар с еще недавним врагом вполне оправданным. Новой, еще более опасной угрозой для Первого Болгарского царства теперь стало войско князя Святослава (Drinov 1876, 99–100).

М. Дринов подверг критике точку зрения своих современников А. Черткова и С. Соловьева о завоевании князем летом-осенью 968 г. всей Болгарии и нескольких византийских городов (Дринов 1876, 94–95). Разделяя мнение А. Гильфердинга, М. Дринов отмечал факт завоевания князем в этот период лишь части Дунайского побережья, где находилась Малая Преслава (Переяславец) (Gilferding 1868, 142; Drinov 1876, 95). Этот тезис о масштабах завоеваний Святослава в 968 г. разделяют и современные ученые (Litavrin 1967a, 233; Obolenskiy 1998, 139–140; Chornij 2007, 61). Временное прекращение войны было обусловлено вынужденным возвращением князя в Киев с целью обороны его от печенегов весной 969 г. (по хронологии П. Карышковского) (Karyshkovskiy 1952, 138). М. Дринов не высказал предположений в пользу союза печенегов с Византией или с болгарам, но более поздние исследователи отмечали неслучайность нападения кочевников на Киев (Kazhdan 1998, 179; Obolenskiy 1998, 140; Ransimen 2009, 204; Sakharov 1982, 139; Uspenskiy 1997, 558).

После возвращения Святослава в Киев осенью 968 г. мир между Византией и Болгарией сохранился. Сыновья Петра проживали при византийском дворе и остались там

после смерти отца. Меньше чем через год, Святослав вернулся на Дунай с твердыми намерениями покорить Болгарию. Летом 969 г. руссы захватили Переяславец, а вскоре Святослав занял почти все владения царя Бориса II между Дунаем и Балканскими горами, захватил столицу восточной Болгарии Великую Преславу, взяв в плен царя и его семью. Оставив там своих воевод, весной 970 г. князь перешел через Балканские горы во фракийские владения Бориса II (Drinov 1876, 100; Irechek 1878, 242). Так болгары фактически остались без помощи византийцев, чьи силы были сосредоточены на борьбе за Антиохию (Lev Diakon 1988, 46). Оказавшись в безвыходном положении, а также с целью мести византийцам, которые оставили болгар на произвол судьбы, Болгарское царство пошло на объединение с еще недавним врагом, русским князем (Lev Diakon 1988, 58; Karyshkovskiy 1951, 105; Mutafchiev 1931, 86–87; Sakharov 1982, 165; Skilitsa 1988, 122). В. Чорний в этом случае называл царя Бориса II «вынужденным союзником и фактическим заложником Святослава». Среди господствующей болгарской элиты произошел раскол: враждебно настроенные против Византии бояре стали на сторону руссов, оставшаяся часть знати выступала за союз с империей (Chornij 2007, 61).

Образ Святослава-завоевателя М. Дринов дополнил повествованием о пытках, которым были подвержены 20 тысяч жителей захваченного руссами Филиппополя (современный Пловдив. – прим. М. Д.). Хотя этот сюжет удачно дополняет восприятие автором Святослава как воинственного жестокого захватчика, М. Дринов все же считал количество жертв у Льва Диакона преувеличенным (Drinov 1876, 100; Lev Diakon 1988, 199). В комментарии к русскоязычному переводу «Истории» С. Иванов и Г. Литаврин объясняли масштабный террор в Филиппополе близостью города к византийской границе и господствовавшими здесь проимперскими настроениями, более сильными, чем на северо-востоке Болгарии (Lev Diakon 1988, 199). П. Карышковский допускал, что Филиппополь до появления здесь Святослава находился под властью византийцев, а расправу русский князь организовал над пленными греками, а не над болгарам (Karyshkovskiy 1951, 103).

Успехи Святослава в завоевании болгарских земель и его приближение к пределам византийских владений М. Дринов логично объяснял отсутствием помощи болгарам со стороны византийцев по причине пребывания императора в Азии. Кроме того, ученый учитывал кризис власти в Византии, который завершился убийством Никифора Фоки и вступлением на престол Иоанна Цимисхия (969–976) (Drinov 1876, 100). После неудачных переговоров о мире началась новая фаза конфликта, который в историографии чаще называется русско-византийской войной 970–971 гг. (Sakharov 1982, 146). Фактически в это же время активизировалось противостояние Византии и Руси в борьбе за восточно-болгарские территории. Царь Борис, который в этот период утратил власть, был неспособен поднять болгар на борьбу против завоевателей. В изложении этих событий М. Дринов воздержался от однозначных оценок, считая оба государства одинаково опасными врагами Болгарии, но упомянул об усилении армии Святослава мадьярами и многими болгарам (часто добровольно, иногда по принуждению) (Drinov 1876, 101).

Результаты масштабного сражения под Адрианополем летом 970 г. М. Дринов оценивал в пользу руссов, ссылаясь на “Повесть временных лет” (Litopy`s 1990, 41) и критикуя свидетельства Льва Диакона (Lev Diakon 1988, 202). Однако предположение М. Дринова не нашло поддержки в историографии. Кроме того, в более поздних исследованиях существует мнение, что битва состоялась возле города Аркадиополь и закончилась победой византийцев (Ransimen 2009, 209; Chornij 2007, 62). Дальнейшие планы Иоанна Цимисхия были связаны с подготовкой захвата Преславы, но наступление было отложено почти на год из-за очередного похода императора в Азию. В свою очередь Святослав оставался в Болгарии. На этот период император обезопасил свои владения от нападения русского князя путем заключения мирного договора. Святослав, чье войско было ослаблено долгой борьбой, согласился принять от Византии дань, которая выплачивалась на всех живых и погибших дружинников, а также щедрые дары, и вернулся в Переяславец (Drinov 1876, 104; Sakharov 1982, 174).

Военную операцию по взятию болгарской столицы в марте 971 г. М. Дринов изобразил, доверяя византийским источникам, как освобождение от русского ига. Взятие Великой Преславы византийцами произошло за одни сутки, остатки русского войска бе-

жали в Доростол (Силистру), где находился князь Святослав. Поражение князя М. Дринов объяснял тем, что руссы не охраняли проходы через Балканские горы и не ожидали нападения византийцев. Кроме того, автор не исключал возможной помощи войскам Цимисхия со стороны жителей города (Drinov 1876, 105–106). После взятия византийцами болгарской столицы начался переход на их сторону областей, которые еще недавно контролировал Святослав (Drinov 1876, 107; Litavrin 1967b, 224; Stokes 1962a, 486).

Последним шагом в захвате греками восточной Болгарии стала трехмесячная осада Доростола. Разгром войска руссов и заключение мирного договора, согласно которому Святослав должен был вывести войска из Болгарии и не нападать на Херсонес (Dogovor 1952, 58), подвели итог пятилетнему противостоянию трех держав на Балканах. Болгарская сторона в переговорах не участвовала, царь Борис II на то время уже утратил все властные полномочия и подчинился Византии.

Действия греков в завоеванной Болгарии М. Дринов характеризовал без негатива, акцентируя внимания на том факте, что император не позволял своим войскам разорять захваченные болгарские территории, хотя были известны факты разграбления византийцами православных храмов, отдельных городов и крепостей (Lev Diakon 1988, 72, 78). Ученый согласился со свидетельством Иоанна Скилицы о намерениях Цимисхия освободить болгар из русского рабства, сохраняя враждебное отношение лишь к руссам (Skilitsa 1988, 125–126). Упомянув о расположении в крупных городах греческих гарнизонов и переименовании Преславы в Иоаннополь и Доростола в Феодорополь (Drinov 1876, 82–83; Lev Diakon 1988, 81), М. Дринов умолчал о неприятном для Болгарии факте унижительной процедуры детронизации болгарского царя Бориса II и триумфальном въезде Цимисхия в Константинополь (Zlatarski 1927, 598; Obolenskiy 1998, 141; Lev Diakon 1988, 82–83; Sakharov 1982, 176–177). Исходя из этого, является очевидным тот факт, что М. Дринов старался не акцентировать враждебность Византии в отношении Болгарии.

Таким образом, известная в историографии «антивизантийская позиция» М. Дринова (Gorina 1986, 177; Liman 2009a; Liman 2009b, Liman 2011) в контексте изображения русско-византийско-болгарского конфликта 966–971 гг. почти не находит подтверждения. Автор воздержался от негативных оценок греков, считая завоевание Болгарии руссами более страшным, чем власть Византии. Это подтверждает упоминание о зверствах войска Святослава в Болгарии, уничтожившего более 300 бояр и 20 тысяч мирного населения, которое не находит подтверждения в других источниках. Православным императорам ученый симпатизировал больше, чем язычнику-князю, поэтому действия византийцев в болгарских землях изобразил без негатива, хотя вряд ли они, подобно руссам, воздержались от разорений и убийств.

Превращение восточных областей Первого Болгарского царства в византийскую провинцию приближало их к могущественной Византии. Господство хорошо знакомой империи с упорядоченной системой управления и общей православной религией казалось, в восприятии ученого, лучшим вариантом для болгар. Оно должно было обеспечить дальнейшее развитие болгарского общества путем наследования лучших достижений блестящей византийской цивилизации. Возможность оказаться под властью жестокого русского князя-язычника Святослава откинула бы болгар назад в еще недавнее варварство, порвать с которым им удалось опять же благодаря империи.

Как показывает анализ докторской диссертации М. Дринова, болгары видели в образе Византии свое ближайшее будущее и предпочитали наследовать византийские стандарты в развитии своего государства. В образе князя Святослава перед ними выступало их недавнее варварское прошлое, к которому они совсем не стремились возвращаться.

Следует отметить, что в работе «Южные славяне и Византия в X веке» М. Дринов вплотную подошел к ключевой идее, сформулированной почти на сто лет позже Д. Оболенским в концепции «Византийского содружества наций». В ней акцентировалось внимание на привлекательности византийского образца для наследования правящей верхушкой народов, попадавших в имперскую орбиту. Стремление скопировать византийскую цивилизацию парадоксально сочеталось с враждебным отношением к универсалистским претензиям империи, желанием отторгнуться от нее и утвердить собственную независимость. В то же время, когда было необходимо выбирать между Византией и более отсталым полуварварским народом, выбор однозначно делался в пользу империи.

После защиты докторской диссертации М. Дринов уже не создал масштабных трудов византиноведческого характера. Тем не менее, это направление осталось в числе научных интересов ученого, что позволило ему войти в число ведущих специалистов средневековой истории южных славян.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Angelov, D. 1960. Prinostat na Marin Drinov v oblata na vizantologiyata [Marin Drinov's contribution to the field of Byzantology]. *Izsledvania v chest na Marin S. Drinov* [Research in honor of Marin S. Drinov]. Sofia: BAS, s. 119–132. (In Bulgarian).

Ангелов, Д. 1960. Приносът на Марин Дринов в областа на византологията. *Изследвания в чест на Марин С. Дринов*. София: БАН, с. 119–132.

Burmov, A. K. 1960. Marin Drinov kato istorik na Bulgaria [Marin Drinov as a historian of Bulgaria]. *Izsledvania v chest na Marin S. Drinov* [Research in honor of Marin S. Drinov]. Sofia: BAS, s. 105–118. (In Bulgarian).

Бурмов, А. К. 1960. Марин Дринов като историк на България. *Изследвания в чест на Марин С. Дринов*. София, БАН, с. 105–118.

Chornij, V. 2007. Istoriya Bolgariyi / Navchal'ne vy`dannya [History of Bulgaria / Training Edition]. Lviv: PAIS, 404 s.

Чорний, В. 2007. Історія Болгарії / Навчальне видання. Львів: ПАІС, 404 с.

Dogovor Rusi s Vizantiej 971 g. [Treaty of Russia with Byzantium 971]. *Pamyatniki russkogo prava, vip. 1: Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva* [Monuments of Russian law, issue 1: Monuments of Law of the Kiev State]. Moskva, 1952, s. 58. (In Russian).

Договор Руси с Византией 971 г. *Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства / Сост. А. А. Зимин*. Москва, 1952, с. 58.

Drinov, M. 1876. Yuzhnye slavyane i Vizantiya v X veke [Southern Slavs and Byzantium in the X century]. Moskva: University printing house, 152 s. (In Russian).

Дринов, М. 1876. Южные славяне и Византия в X веке. Москва: Тип. ун-та, 152 с.

Gilferding, A. 1868. Istoriya serbov i bolgar [History of Serbs and Bulgarians]. *Sobranie sochineniy A. Gilferdinga*, т. 1 [Collected works of A. Hilferding, vol. 1]. St. Petersburg: Pechatnya V. Golovin, s. 3–280. (In Russian).

Гильфердинг, А. 1868. История сербов и болгар. *Собрание сочинений А. Гильфердинга*, т. 1. СПб.: Печатня В. Головина, с. 3–280.

Gorina, L. V. 1986. Marin S. Drinov – istorik i obshchestvennyy deyatel [Marine S. Drinov – historian and public figure]. Moskva: Publishing House of Moscow State University, 196 s. (In Russian).

Горина, Л. В. 1986. Марин С. Дринов – историк и общественный деятель. Москва: Изд-во МГУ, 196 с.

Ivanov, S. A. 1981. Vizantiysko-bolgarskie otnosheniya v 966–969 gg. [Byzantine-Bulgarian relations in 966–969]. *Vizantiyskiy vremennik*, vol. 42. Moskva, s. 88–100. (In Russian).

Иванов, С. А. 1981. Византийско-болгарские отношения в 966–969 гг. *Византийский временник. Т. 42*. Москва, с. 88–100.

Irechek, K. Yu. 1878. Istoriya bolgar [History of the Bulgarians]. Odessa: Printing house L. Pitche, 785 s. (In Russian).

Иречек, К. Ю. 1878. История болгар. Одесса: Тип. Л. Питче, 785 с.

Kazhdan, A. P. 1998. Ocherki istorii Vizantii i yuzhnykh slavyan. Izd. 2-e, ispr. [Essays on the History of Byzantium and the Southern Slavs. Ed. 2nd, corrected]. St. Petersburg: Aleteya, 336 s. (In Russian).

Каждан, А. П., Литаврин Г. Г. 1998. Очерки истории Византии и южных славян. Изд. 2-е, испр. СПб.: Алетея, 336 с.

Karyshkovskiy, P. O. 1951. Russko-bolgarskie otnosheniya vo vremena Balkanskikh voyn Svyatoslava [Russian-Bulgarian relations during the Balkan Wars Svyatoslav]. *Voprosy istorii*, issue 8, s. 101–105. (In Russian).

Карышковский, П. О. Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава. *Вопросы истории*, 1951, № 8, с. 101–105.

Karyshkovskiy, P. O. 1952. O khronologii russko-vizantiyskoy voyny pri Svyatoslave [On the chronology of the Russian-Byzantine war at Svyatoslav]. *Vizantiyskiy vremennik*, issue 5, s. 127–138. (In Russian).

Карышковский, П. О. 1952. О хронологии русско-византийской войны при Святославе. *Византийский временник*, вып. 5, с. 127–138.

Kozmenko, I. V. 1957. Obshchestvenno-politicheskaya deyatelnost M. S. Drinova [Social and political activity of M. S. Drinov]. *Kratkie soobshcheniya Instituta slavyanovedeniya AN SSSR*, issue 21, s. 13–22. (In Russian).

Козьменко, И. В. 1957. Общественно-политическая деятельность М. С. Дринова. *Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР*, вып. 21, с. 13–22.

Kravchenko, V. V. 1991. Marin Stepanovich Drinov v sovetskoj istoriografii [Marine Stepanovich Drinov in Soviet historiography]. *Marin Drinov v issledovaniyakh kharkovskikh uchenykh, posvyashchennykh 150-letiyu so dnya ego rozhdeniya* [Marin Drinov in studies of Kharkov scientists dedicated to the 150th anniversary of his birth]. Sofia: University Press Clement of Ohrid, s. 37–49. (In Russian).

Кравченко, В. В. 1991. Марин Степанович Дринов в советской историографии. *Марин Дринов в исследованиях харьковских ученых, посвященных 150-летию со дня его рождения*. София: Универ. изд-во им. Св. Климента Охридского, с. 37–49.

Lapteva, L., P., 2005. Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke [History of Slavic Studies in Russia in the 19th Century]. Moskva: Indrik, 848 s.

Лаптева, Л. П. 2005. История славяноведения в России в XIX веке. Москва: Индрик, 848 с.

Leszka, M. J. et al. 2018. The Bulgarian State in 927–969. The Epoch of Tsar Peter I. Łódź, 2018, 700 pp. [Byzantina Lodziensia XXXIV].

Lev Diakon, 1988. Istoriya [History]. Moskva: Science, 240 s. (In Russian).

Лев Диакон, 1988. История / Пер. М. М. Копыленко, коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова, отв. ред. Г. Г. Литаврин. Москва: Наука, 240 с.

Levchenko, M. V. 1956. Ocherki po istorii russko-vizantiyskikh otnosheniy [Essays on the history of Russian-Byzantine relations]. Moskva: Institute of History, USSR Academy of Sciences, 554 s. (In Russian).

Левченко М. В. 1956. Очерки по истории русско-византийских отношений, Москва: Ин-т истории АН СССР, 554 с.

Liman, S. I. 2009. Idei v latak: Zapad ili Vostok? Srednevekovye v otsenkakh medievistov Ukrainy (1804 – pervaya polovina 1880-kh gg.) [Ideas in lats: West or East? The Middle Ages in the estimates of the Ukrainian medievalists (1804 – the first half of the 1880s)]. Kharkov: KhSAK, 688 s. (In Russian).

Лиман, С. И. 2009. Идеи в латах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 – первая половина 1880-х гг.), X.: ХГАК, 688 с.

Liman, S. I. et al. 2009. Kharkovskiy period nauchno-pedagogicheskoy i obshchestvennoy deyatelnosti Marina Drinova. Kriticheskoe prochtenie istochnikov [The Kharkov period of scientific, pedagogical and social activity Marina Drinova. Critical Reading of Sources]. *Sbornik po sluchay 170-godishnina ot rozhdenieta na prof. Marin Drinov* [Collection on the occasion of the 170th anniversary of the birth of Prof. Marin Drinov]. Sofia: BAS, Institute of History, s. 52–71. (In Russian).

Лиман, С. И. и др. 2009. Харьковский период научно-педагогической и общественной деятельности Марина Дринова. Критическое прочтение источников. *Сборник по случаю 170-годишнината от рождението на проф. Марин Дринов*. София: Българска академия на науките; Институт по история, с. 52–71.

Liman, S. I. 2011. Istoriya Pershogo Bolgars'kogo czarstva v pracyah ta navchal'ny'x kursax doslidny'kiv Ukrainy (XIX – pochatok XX st.) *Bulletin of the State Academy of Culture*, issue 34. URL: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/vkhdkak/2011_34/V34-1-4.pdf (Date of the application 18.01.2011). (In Ukrainian).

Лиман, С. И. 2011. История Першого Болгарського царства в працях та навчальних курсах дослідників України (XIX – початок XX ст.). *Вісник Державної академії культури*, Вип. 34 [Електронний ресурс]. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/hak_2011_32_422 (Date of the application 18.01.2011)

Litavrin, G. G. 1967. Vizantiya i Rus v IX–X vv. [Rus and Byzantium in 9–10 cent.]. *Istoriya Vizantii* [History of Byzantium]. Moskva: Science, s. 226–236. (In Russian).

Литаврин, Г. Г. 1967. Византия и Русь в IX–X вв. *История Византии*. Москва: Наука, с. 226–236.

Litavrin, G. G. 1967. Vnutrennyaya i vneshnyaya politika Vizantii vo vtoroy polovine X – pervoy chetverti XI vv. [Domestic and foreign policy of Byzantium in the second half of 10th – the first quarter of 11th century]. *Istoriya Vizantii* [History of Byzantium]. Moskva: Science, s. 206–227. (In Russian).

Литаврин, Г. Г. 1967. Внутренняя и внешняя политика Византии во второй половине X – первой четверти XI вв. *История Византии*. Москва: Наука, с. 206–227. (In Russian).

Litopy's rus'ky'j za Ipat's'ky'm spy'skom / Pereklad L. Maxnovcya. 1990 [Russian Chronicle of the Ipat'sky List / Translated by L. Makhnowets]. Kyiv: Dnipro. 592 s. (In Ukrainian).

Літопис руський за Іпатським списком / Переклад Л. Махновця. 1990. К.: Дніпро, 592 с.

Mitryaev, A. I. 1979. Drinov Marin Stoyanov. *Slavyanovedenie v dorevoljucionnoj Rossii. Bibliograficheskij slovar* [Slavic studies in pre-revolutionary Russia. Bibliographic Dictionary]. Moskva: Science, s. 146–149.

Митряев, А. И. 1979. Дринов Марин Стоянов. *Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь*. Москва: Наука, с. 146–149. (In Russian).

Mitryaev, A. I. et al. 1978. Do py'tannya pro ocinku Mary'na Drinova yak istory'ka-slavista [To the question of the assessment of Marina Drinova as a Slavic historian]. *Bulletin of Kharkiv University*, No. 167, History: issue 10, s. 66–73. (In Ukrainian).

Мітрянєв, А. І. та ін. 1978. До питання про оцінку Марина Дрінова як історика-славіста. *Вісник Харківського університету*, № 167. Історія, вип. 10, с. 66–73.

Mutafchiev, P. 1931. Russko-bolgarskie otnosheniya pri Svyatoslave [Russian-Bulgarian relations under Svyatoslav]. *Seminarium Kondakovianum*, issue IV. Prague, p. 77–92. (In Russian).

Мутафчиев, П. 1931. Русско-болгарские отношения при Святославе. *Seminarium Kondakovianum*, IV. Prague, p. 77–92.

Nikitin, S. A. 1957. M. S. Drinov kak istorik. *Short messages of the Institute of Slavic Studies*, No. 21, s. 3–12. (In Russian).

Никитин, С. А. 1957. М. С. Дринов как историк. *Краткие сообщения Института славяноведения*, № 21, с. 3–12.

Obolenskiy, D. 1998. Vizantiyskoe sodruzhestvo natsiy. Shest vizantiyskikh portretov [Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine portraits]. Moskva: Yanus-K, 655 s. (In Russian).

Оболенский, Д. 1998. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М.: Янус-К, 655 с.

Paskaleva, V. 1960. Prinos kam na biografiyata na Marin Drinov [Contribution to the biography of Marin Drinov]. *Izsledovania v chest na Marin S. Drinov* [Research in honor of Marin S. Drinov]. Sofia: BAS, s. 9–50. (In Bulgarian).

Паскалева, В. 1960. Принос към на биографията на Марин Дринов. *Изследования в чест на Марин С. Дринов*. София: БАН, с. 9–50.

Pogodin, M. P. 1846. Issledovaniya, zamechaniya i leksii o russkoy istorii [Studies, comments and lectures on Russian history. Vol. III]. Moskva, 280 s. (In Russian).

Погодин, М. П. 1846. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. III. М., 280 с.

Ransimen, S. 2009. Istoriya Pervogo Bolgarskogo tsarstva [History of the First Bulgarian Kingdom]. St. Petersburg: Eurasia, 384 s. (In Russian).

Рансимен, С. 2009. История Первого Болгарского царства / Пер. с англ. Н. В. Ереминой. СПб.: Евразия, 384 с.

Sakharov, A. N. 1982. Diplomatiya Svyatoslava [Diplomacy Svyatoslav]. Moskva: International relationships, 240 s. (In Russian).

Сахаров, А. Н. 1982. Дипломатия Святослава. М.: Международные отношения, 240 с.

Shikanov, V. N. 2006. Vizantiya. Orel i lev: Bolgaro-vizantiyskie voyny VII–XIV vv. [Eagle and Lion: Bulgarian-Byzantine Wars 7–14 centuries]. St. Petersburg: Shaton, 156 s. (In Russian).

Шиканов, В. Н. Византия. Орел и лев: Болгаро-византийские войны VII–XIV вв. СПб.: Шатон, 2006, 156 с.

Skilitsa. 1988. O voyne s Rusyu imperatorov Nikifora Foki i Ioanna Tsimiskhiya [On the war with Russia of the emperors Nicephorus Foka and John Tzimiskes]. *Lev Diakon. 1988. Istoriya* [History]. Moskva: Science, s. 121–133. (In Russian).

Скилица. 1988. О войне с Русью императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия / Пер. С. А. Иванова // Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко, коммент. М. Я. Сюсюмова, С. А. Иванова, отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1988, с. 121–133.

Sorlin, I. 1961. Les tratiés de Byzance avec la Russie au Xe siècle. *Cahiers du monde Russe et Soviétique*, vol. 2, No. 3–4, p. 447–475.

Stokes, A. D. 1962. The background and Chronology of the Balkan Campaigns of Svyatoslav Igorevich. *The Slavonic and East European review*, vol. 40, No. 94, p. 44–57.

Stokes, A. D. 1962. The Balkan Campaigns of Svyatoslav Igorevich. *The Slavonic and East European review*, vol. 40, No. 95, p. 466–496.

Uspenskiy, F. I. 1997. Istoriya Vizantiyskoy imperii. T. 3. Period Makedonskoy dinastii (867–1057) [History of the Byzantine Empire. Vol. 3. The period of the Macedonian dynasty (867–1057)]. Moskva: Think, s. 554–581. (In Russian).

Успенский, Ф. И. 1997. История Византийской империи. Т. 3. Период Македонской династии (867–1057) / Сост. Л. В. Литвинова. М.: Мысль, с. 554–581.

Zlatarski, V. N. 1927. Istoria na Balgarskata darzhava preza srednite vekove. T. 1. Parvo Balgarsko tsarstvo. Ch. 2. [History of the Bulgarian State in the Middle Ages. Vol. 1. First Bulgarian Kingdom. Part 2.]. Sofia, 606 s. (In Bulgarian).

Златарски, В. Н. 1927. История на Българската държава през средните векове. Т. 1. Първо Българско царство. Ч. 2. София, 606 с.

Статья поступила в редакцию 10.02.2020 г.